

УДК 82.09

А. И. Федута,

кандидат филологических наук, доцент

(Департамент социальных и политических наук Европейского гуманитарного университета,
г. Вильнюс, Литва)

Feodor1964@yandex.ru

ЧИТАТЕЛЬ В СОЗНАНИИ Ф. В. БУЛГАРИНА

В статье рассматриваются основы авторской стратегии Ф. В. Булгарина, причины его литературного успеха в зависимости от его представления об адресате его творчества. Ф. Булгарин был первым русским писателем, рассматривавшим читательскую аудиторию дифференцированно, разделяя ее на социальные страты. Каждой страте должны быть адресованы тексты определенной эстетической и этической направленности. Фактически литератор превращается в слугу современной ему публики, исполняя ее желания. Это приносит быстрый успех, но в исторической перспективе обрекает на забвение.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин, Пушкин, "Северная Пчела", русская литература, роман, читатель, автор, "Иван Выжигин", декабристы, журналистика.

Из профессиональных писателей и журналистов пушкинской эпохи Булгарин, вероятно, самый удачливый: читательский успех его "Ивана Выжигина" сопоставим лишь с успехом "Бахчисарайского фонтана". Сам он писал с гордостью: "Много испытал я горя [...] и, наконец, дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде: что все грамотные люди в России знают о моем существовании!" [1: 8–9].

Булгарин сформулировал *specto* в предисловии к роману "Иван Выжигин": "Любить отечество, значит – желать ему блага. Желать блага есть то же, что желать искоренения злоупотреблений, предрассудков и дурных обычаев и водворения добрых нравов и просвещения. Бывает много случаев, где законы не могут иметь влияния на нравы. Благонамеренная сатира споспешествует усовершенствованию нравственности, представляя пороки и странности в их настоящем виде и указывая в своем волшебном зеркале, чего должны избегать и чему следовать" [2: 24–25].

Первая часть приведенной цитаты представляет собой этическую авторскую программу, которую Булгарин последовательно претворял в жизнь. Именно этим, на наш взгляд, во многом были обоснованы его жанровые и стилевые пристрастия и литературное поведение в целом.

Первый из его романов написан в 1825–1828 годах. Это роман "Иван Выжигин", посвященный жизни провинциальных низов. По словам Н. И. Греча, Булгарин "писал его долго, рачительно и имел в нем большой успех. [...] Должно вспомнить, что он <"Иван Выжигин". – А. Ф.> был, по времени, первым русским романом, и что им началась обличительная наша литература. Многие черты и характеры схвачены в нем удачно и умно" [3: 695]. Булгаринский роман традиционен для русской литературы XVIII века, начиная от фабулы – истории героя, проходящего взросления через многочисленные искушения, но становящегося в конце романа достойным членом общества. Читатель ждет от романа занимательности, и его внимание "занимают" изображением провинциального разгула, любовной истории молодых людей, на брак которых не соглашаются родители, еврейской корчмы, притона игроков, киргизской орды, венецианского карнавала и константинопольского базара. Герои носят "говорящие" имена, что также традиционно для эпохи Просвещения: негодяй в романе – Грабилин, юрист – Законенко, игрок – Штосин (от названия карточной игры "штос"), офицер-любовник – Миловидин и т.д. Одновременно проходит линия обличения нравов: в соответствии с традицией просветительского романа мерзости цивилизации показываются глазами либо подростка, либо "естественного человека", в роли которого выступает "киргизский философ" Арслан-султан.

Перед нами – набор штампов, мотивов и ситуаций, знакомых читателю изначально по западным образцам, составлявшим корпус "обязательного чтения" тех, кого принято было называть "публикой". Неслучайно персонаж А. А. Шаховского характеризует "Выжигина" как "первый, [...] народный наш роман, / Который начали читать не по передним" [4: 729]. Однако этот набор известен как образованному читателю, так и представителю социальных "низов", поскольку в качестве предтеч Булгарина не только Вольтер как автора "Кандида" и "Простодушного" и Лесажа, но и Василий Нарезный, Михаил Чулков, Матвей Комаров, а также авторы бесчисленных авантюрных романов куда менее оригинальных, но расходившихся тысячами экземпляров.

Коммерческий успех булгаринского романа был несомненен: за неделю было распродано 2.400 экземпляров [3: 695]. Критически относившийся к автору "Выжигина" А. А. Дельвиг объяснял это тем, что Булгарин уступил права на книгу дешевле, чем, если бы сам продавал тираж, а "книги [...], какого бы достоинства они ни были, сделавшись собственностью книгопродавцев, расходятся у нас хорошо, благодаря купеческой ловкости и оборотливости" [5: 238].

Анализируя список лиц, предварительно подписавшихся на "Выжигина", Ю. Штридтер отмечает: "Из 440 индивидуальных подписчиков 66 % чиновники и помещики, 27,5 % – офицеры и 6,5 % купцы. 52 % из провинции, 42 % из Петербурга и 6 % из Москвы. Эти цифры – ценные указания на то, какие круги уже заранее интересовались романом Булгарина" [6: 345]. Общая численность покупателей романа составила примерно 7.000 [6: 345].

Реакция широкой публики на болгаринское произведение была отмечена критикой. Н. А. Полевой писал: "В кабинетах, в гостиных, на бирже, в городах, в деревнях, в целой России "Сочинения" г-на Булгарина, и особенно "Иван Выжигин", составляют предмет разговоров. Просвещенные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже девушки и дети толкуют о Булгарине, о его успехах литературных. Разговоры о "Иване Выжигине" составляют приправу холодных визитов, скучных посещений, столкновений деловых людей и сборищ за сытными обедами. Все это показывает, во-первых, что сочинения г-на Булгарина читаются во всей Русской России, во-вторых, что они обращают на себя общее внимание" [7: 65]. Но оппоненты Булгарина считаться с этим не желали. "Что есть люди, которые читают "Выжигина" с удовольствием и, следовательно, с пользой, это доказывается тем, что "Выжигин" расходится, – писал И. В. Киреевский. – Но где же эти люди, спросят меня. Мы не видим их точно так же, как и тех, которые наслаждаются "Сонником" и книгою "О клопах"; но они есть, ибо и "Сонник", и "Выжигин", и "О клопах" раскупаются во всех лавках" [8: 76].

Работу над своим самым известным романом Булгарин начинает в тот период жизни, когда идеологически он близок к декабристам, сотрудничает с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, издающими "Полярную Звезду", и завершает после поражения восстания. И как в рылеевских "Думах" он отмечал, прежде всего, "чистейшую нравственность", так годом позже он будет писать управляющему III отделением М. Я. фон Фоку: "Никто в целой России не заботится внушать многочисленнейшему сословию, крестьянам, понятий о их обязанностях к государю, обязанностях, от которых зависит общественное благо и спокойствие. Таковую огромную и непросвещенную массу народа трудно всегда удержать одною силою в пределах долга. Надобно действовать на них *нравственно*" [9: 105].

Столь мгновенное перевоплощение можно, разумеется, объяснить попыткой мимикрировать и приспособиться к новым обстоятельствам. А. И. Рейтблат считает, что "Булгарин – это, пожалуй, первый в русской литературе случай описанного Д. Оруэллом двоемыслия, когда постоянно думается одно, а говорится или пишется, в тех или иных целях, – другое" [9: 87]. По мнению исследователя, в душе Булгарин остался прежним – союзником Бестужева и Рылеева, – а в повседневной жизни был вынужден двоедушничать, встав на службу правительству. Дело, на наш взгляд, обстояло несколько сложнее.

Разумеется, поводы для стремительной мимикрии у редактора "Северной пчелы" были: его "польское" происхождение и служба во французской армии уже сами по себе казались окружающим подозрительными, что отражалось и в многочисленных эпиграммах. Но мы можем говорить и о внутренних предпосылках, облегчивших это "приспособление". Это связано с тем, как Фаддей Венедиктович воспринимает читательскую аудиторию и свою социальную роль как литератора.

Для Булгарина существуют четыре группы читательской аудитории (четыре страты общества): "Знатные и богатые люди. [...] Среднее состояние. Оно состоит у нас из а) достаточных дворян, находящихся в службе, и помещиков, живущих в деревнях; б) из бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; в) из чиновников гражданских и всех тех, которых мы называем приказными; д) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей частью образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и сообщения идей, составляет так называемую русскую публику. [...] Нижнее состояние. Оно включает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников" [10: 581–582]. К четвертой группе он относит ученых и литераторов. Подобная социальная дифференциация публики до Булгарина не рассматривалась ни одним русским писателем [11: 98–107].

Булгарин как практик и теоретик литературного дела – дитя XVIII века. Он просветитель в буквальном смысле слова, неслучайно одним из главных критериев истинной талантливости для него на протяжении всего литературного пути оставалась образованность автора. Первую и четвертую читательские группы просвещать не имеет смысла, ибо они "просвещены" по определению. Третью группу, именуемую Булгариным "нижним состоянием", Фаддей Венедиктович попросту не знает. Но группа вторая, являющаяся для него "публикой", в не меньшей степени нуждается в просвещении, в том, что присвоило себе "первое сословие" – высший свет, аристократия. Булгарин был свидетелем двух попыток переустроить мир: он был добровольным участником наполеоновских походов и невольным участником деятельности первых декабристских обществ. И то, и другое потерпело поражение. Следует просветить человеческую массу, "публику", подготовить ее к адекватному восприятию демократических преобразований общества и государства.

Именно к такому выводу приходит Булгарин. В последекабрьском творчестве он обращается к той же социальной страте, что и до 14 декабря. Неслучайно именно у него хранятся архив К. Ф. Рылеева,

авторский список комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума". Для него это не только память о друзьях, но и бесценные образцы литературного творчества: их просветительский пафос одновекторно направлен. Но, в отличие от них, Булгарин более прагматичен и "профессионален": для осуществления своей программы он использует те реальные условия, в которых живет и работает. Николай I, испуганный восстанием, сопровождавшим его восшествие на престол, обращает внимание на необходимость усиления "служилого" элемента – "личных дворян", то есть людей, всецело зависящих от воли начальства, не имеющих иной собственности, кроме нажитой на государственной службе. Новые дворяне – выходцы из чиновников, унтер-офицеров – являлись наиболее надежной опорой трона, но одновременно они составляют большинство "публики", к которой обращается Булгарин со своей просветительской программой. Свой гражданский и литературный долг Фаддей Венедиктович видит в служении государству и публике. Враги "публики" – враги служащего ей литератора.

И здесь появляется излюбленный всяким сатириком, каким является и Булгарин, прием "негативного примера". Булгаринская "публика" – аналог того, что в Германии называлось "филистерами". Вспомним, что "романтический герой" появляется в литературе как положительный тип, противостоящий филистерской среде, "толпе". Такими были в большинстве герои Байрона и Гофмана. Но, как пишет Жан-Поль, "как раз прекраснейший цвет романтики обречен терпеть ужасную судьбу – быть зверски ошупанным, ощипанным и растоптанным той толпой, которая сидит и казнит толпу пишущую для толпы читающей" [12: 127]. "Толпа читающая" должна получить и получает "негативный пример" в форме наиболее романтического жанра эпохи – исторического романа, автором которого и становится сознательный выразитель ее идеологии – Булгарин. Мы имеем в виду роман "Дмитрий Самозванец". Как утверждает современный исследователь, "отказавшись от приемов Скотта или не сумев ими воспользоваться, Булгарин сделал своего Самозванца романтическим героем байроновского типа, и романтические штампы преобладают в его изображении" [13: 113–114]. На наш взгляд, это был вопрос принципиальный. Создай Булгарин Дмитрия неким предшественником Уэверли из одноименного романа или Генри Мортон из "Пуритан", к чему призывает его спустя 160 лет после написания "Дмитрия Самозванца" М. Г. Альтшуллер [13: 289], и он достигает прямо противоположного эффекта: преступный самозванец, разрушитель Отечества, мог бы легко снискать читательские симпатии. Байронический же герой – в булгаринском романе это Лжедмитрий-Иваницкий – заведомо антипатичен публике в силу своего презрения к окружающим. Конфликт между Пушкиным и Булгариным по поводу "Бориса Годунова" имеет еще один ракурс: пушкинский Самозванец, в сущности, герой сродни вальтер-скоттовским.

Преследуя ту же цель развенчания романтического героя, Булгарин создает и второй исторический роман – "Мазепа". Неслучайно выбирается сюжет, уже обработанный Байроном и Пушкиным (в "Полтаве"). В предисловии к "Мазепе" прямо на это указывается: "Лорд Байрон и А. С. Пушкин воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: романтической любовью его в юности и в старости, с занимательными и ужасными последствиями сей необузданной страсти. [...] Я ограничился политическим характером Мазепы" [2: 369]. Но выше Булгарин оговаривается: "В романе я предпринял представить *очерки характера Мазепы*, так как я понял его по истории и по преданиям. Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только – добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть. Вот *тема* моего романа!" [2: 369]. Исторический роман Булгарина, декларированный им как *политический*, является одновременно и романом *нравоописательным*. Булгарин остается верным себе: любое его произведение ставит конечной целью утверждение добродетели в читательском сознании и совершенствование человеческой личности.

В силу обозначенных нами причин мы можем определить тип взаимоотношений Булгарина с читающей публикой как "*демократический*". Основными чертами этого типа мы бы назвали следующие:

– Принципиальная поддержка автором господствующих в читательской массе идейных течений; подчеркнутое уважение к читателю. Показательно, что Булгарин собрание сочинений конца 1820-х – начала 1830-х гг. посвящает "Читающей русской публике, в знак уважения и признательности" [14: 3].

– Сознательная установка на расширение читательской аудитории, выражающаяся в таком отборе изобразительных средств, при котором эстетика произведения содержит наименьшее количество непривычного (Эстетика штампа.)

– Отбор тем, которые максимально объединяли бы читающую аудиторию, – например, прошлое отечества, нравственное совершенствование личности, но не профессионально-литературные или идейно-политические.

Главное отличие "литературных демократов" от "литературных аристократов" как раз и заключается в их готовности идти в ногу с читательской массой и удовлетворять ее запросы, как идейные, так и эстетические. И разница между Булгариным как ведущим теоретиком и практиком "демократического лагеря" и, например, А. А. Орловым, состоит в том, что для Орлова читательский успех есть конечная цель его литературной деятельности, выражающаяся в финансовом обогащении, а Булгарин считает его

средством распространения исповедуемых им идей и величественно "принимает" сопутствующее ему материальное благополучие как вознаграждение за труды на общественном поприще.

И здесь возникает одна парадоксальная, казалось бы, по отношению к Булгарину тема – тема *диалога с читателем*. Парадоксальная потому, что сама по себе установка на диалог возникает тогда, когда есть разница в позициях, но никак не в случае совпадения позиций автора и читателя. Скорее, можно говорить о *диалоге по поводу* булгаринских текстов, возникшем в читательской среде. О. М. Сомов констатировал: ""Выжигина" прочли люди всех состояний: знатный барин, скромный чиновник, провинциальный помещик, купец и мещанин искали в этом романе применений, каждый по своим понятиям и соображениям, и каждый, может быть, находил их. От сего такое различие в мнениях: критиками "Выжигина" сделались уже не журналисты и литераторы, а так сказать, вся масса его читателей: одни хвалили, другие корили, и всяк ценил его сообразно с своими видами и отношениями" [15: 86].

Эта тема применительно к Фаддею Венедиктовичу подразумевает еще одного участника сложившейся коллизии – Пушкина.

В 20-е – начало 30-х годов Пушкин вступает в диалог с массовым читателем, отстаивая свою новую эстетическую программу. Это связано с работой поэта над романом в стихах "Евгений Онегин". Одновременно с этим Булгарин начинает выпускать первую массовую российскую газету – "Северную Пчелу". Текст "Евгения Онегина" представляет собой зафиксированную на бумаге историю полемики поэта с читательской аудиторией и признание им своего поражения. Мирный характер расставания автора и читателя в "Онегине" не смягчает горечи автора, не сумевшего подчинить себе читательскую волю, но и не пожелавшего подчиниться воле победителя [16]. Неслучайно Пушкин констатирует: ""Литературная газета" была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей" [17: 89] – публика читала других авторов. В свою очередь, именно 1826-1837 годы становятся годами расцвета булгаринских изданий, будь то романы или периодические издания. Особенным успехом пользовалась "Северная Пчела", ставшая рупором общественного мнения, что был вынужден признать даже императорский двор [18: 409]. Этот успех свидетельствует, что Булгарин нашел свою аудиторию. Разразившаяся война между двумя писательскими группировками – "литературными аристократами" во главе с Пушкиным и Дельвигом и группировкой Булгарина – Греча ("грачи-разбойники", как называл их Пушкин) – на практике была не *войной за читателя* (у них был просто *разный читатель*), а *войной читателей*, рассматривать ее нужно как борьбу читательских и социальных сословий, а не противостояние эстетических принципов – это как раз вторично. И Булгарин эту войну явно выигрывал; как отметил Н. А. Полевой, в этот период не являвшийся союзником автора "Выжигина", "огромный успех в России есть уже следствие: он бывает только отражением победы над немногими законодателями литературными" [7: 69].

Неслучайно в разгар борьбы с "литературными аристократами" Булгарин публикует статью "Встреча с Карамзиным (Из литературных воспоминаний)". Не принадлежа к числу ярких поклонников историографа, Булгарин, тем не менее, одним из первых выступает с воспоминаниями о нем. Он пытается ответить литературным противникам, взывая к авторитету, бесспорному для них. Показательна характеристика, которую дает Булгарин Карамзину: "Он знал в совершенстве *искусство беседовать*, которое вовсе различно с *искусством рассказывать*. Хороший рассказчик нравится нам иногда, когда мы расположены *слушать*; но человек, умеющий поддерживать разговор и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо он умеет быть и слушателем и рассказчиком" [2: 673]. Это упрек не названному в очерке Пушкину, не желающему в 30-е годы следовать велению читательской аудитории – говоря словами Булгарина, "слушать, поддерживать разговор и сообщать ему занимательность". К самому себе Фаддей Венедиктович этот упрек отнести не может: читательские настроения он улавливает точно.

Следует обратить внимание на контекст, который создает Булгарин себе как литератору. Он лично не претендует в глазах читателя на звание гения. Но он встает рядом с гением, личность которого освящена мученической кончиной. Это А. С. Грибоедов. "Издание газеты, в которой на протяжении более чем трех десятков лет популяризировалось на все лады творчество одного писателя, вероятно, является беспрецедентным в истории мировой литературы. Начиная с первых же номеров "Северной Пчелы" и почти до самой смерти ее хозяина, в газете постоянно по поводу и без повода цитировалось "Горе от ума", упоминался его автор" [19: 172].

Причем выбор кумира лежит в русле традиционного булгаринского подхода: Грибоедов для него един как литератор-просветитель и патриот-чиновник. Неслучайно Булгарин игнорирует политическую сущность комедии (то есть, сводит художественную функцию Чацкого к функции резонера в классицистической комедии, вроде фонвизинского Стародума), сосредотачиваясь на том, что роднит ее более всего с эпохой Просвещения: цель комедии, по Булгарину, – "осмеяние недостатков общества и, следовательно, общая польза и нравственность" [20: 353]. Фаддей Венедиктович последователен и как друг, и как литератор-моралист.

Но и Грибоедов остается в этот период литератором "для немногих". Булгарину удалось разомкнуть этот читательский круг, расширить его благодаря универсальности своей литературной – в первую очередь, журналистской деятельности. Историкам литературы нужно смириться с тем, что, независимо от нашего отношения к политической физиономии Булгарина – отношения, сформированного под воздействием его противников, – именно он оказался во главе победителей, "литературных демократов". Неслучайно последующая борьба с Булгариним носила идейный, а не эстетический характер: ни один из его современников не смог завоевать внимание и любовь читательского слоя, который сформировал Булгарина и сам был сформирован Булгариним.

Причем, в конечном счете, Фаддей Венедиктович сам, приучая современного ему читателя к чтению, стал невольным соучастником этого убийства, превратив его в самоубийство. Он просто не сумел эволюционировать в соответствии с запросами реальной читательской аудитории. На это "отставание" обратил внимание уже в 1829 году Николай Полевой: "Автор "Военной шутки" и "Модной лавки" <Ф. В. Булгарина. – А. Ф.> все тот же; он даже стал ныне гораздо совершеннее; но публика и требования ее переменились" [7: 71]. Символически разрыв между Булгариним и его читателями обозначен отъездом редактора "Северной Пчелы" в эстляндское имение Карлово: вроде бы, недалеко от главного литературного центра России, Петербурга, – но в стороне от мейнстрима.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни / Ф. В. Булгарин. – Ч. 1. – СПб. : Изд. М.Д. Ольхин, 1846. – 336 с.
2. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин. – М. : Современник, 1990. – 702 с.
3. Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М. – Л. : Academia, 1930. – 896 с.
4. Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения / А. А. Шаховской. – Л. : Советский писатель, 1961. – 828 с.
5. Дельвиг А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг. – Л. : Художественная литература, 1986. – 472 с.
6. Штридтер Ю. Плутовской роман в России : К истории русского романа до Гоголя / Ю. Штридтер. – М. ; СПб. : АИРО-XXI, 2015. – 414 с.
7. Московский телеграф. – 1829, Ч. XXVIII. – 270 с.
8. Киреевский И. В. Эстетика и критика / И. В. Киреевский. – М. : Искусство, 1979. – 440 с.
9. Вопросы литературы. – 1990, март. – 288 с.
10. Русская старина. – 1900. № 9. – С. 449–688.
11. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 330 с.
12. Жан-Поль Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. – М. : Искусство, 1981. – 448 с.
13. Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов / М. Г. Альтшуллер. – СПб. : Гуманитарное агентство "Академический проект", 1996. – 336 с.
14. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин. – Ч. 1. – СПб. : Тип. А. Ф. Смирдина, 1827. – 212 с.
15. Северные Цветы на 1830 год. – СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1829. – 131 с.
16. Егоров И. В. Читатель в творческом сознании автора "Евгения Онегина" / И. В. Егоров, А. И. Федута // Болдинские чтения. – Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1986. – С. 94–106.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 11 : Критика и публицистика / А. С. Пушкин. – М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. – 600 с.
18. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. К. Лемке. – СПб. : Изд. С.В. Бунин, 1904. – 616 с.
19. Мещеряков В. П. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в.) / В. П. Мещеряков, А. С. Грибоедов. – Л. : Наука, 1983. – 268 с.
20. Русская Талия на 1825 год. – СПб. : Тип. Н. И. Греча, 1825. – 434 с.

REFERENCES (TRANSLATED&TRANSLITERATED)

1. Bulgarin F. V. Vospominaniya Faddeja Bulgarina. Otryvki iz vidennogo, slyshannogo i ispytannogo v zhizni [Remembrances of Fudey Bulgarin. Fragments From Seen, Heard and Tested In Life] / F. V. Bulgarin. – T. 1. – Sankt-Peterburg : Izd. M. D. Ol'chin, 1846. – 336 p.
2. Bulgarin F. V. Sochinenija [Compositions] / F. V. Bulgarin. – Moscow : Sovremennik, 1990. – 702 p.
3. Grech N. I. Zapiski o mojej zhizni [Messages about My Life] / N. I. Grech. – Moscow–Leningrad : Academia, 1930. – 896 p.
4. Shakhovskoj A. A. Komediji. Stikhotvorenija [Comedies. Poems] / A. A. Shakhovskoj. – Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. – 828 p.
5. Delvig A. A. Sochinenija [Compositions] / A. A. Delvig. – Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1986. – 472 p.
6. Shtridter Yu. Plutovskoj roman v Rossii [Picaresque Novel in Russia] / Yu. Shtridter. – Moscow; Sanct-Peterburg : AIRO-XXI, 2015. – 414 p.
7. Moskovskij Telegraf [Moscow Telegraph]. – 1829, ch. XXVIII. – 270 p.
8. Kirejevskij I. V. Estetika i kritika [Aesthetics and Criticism] / I. V. Kirejevskij. – Moscow, Iskusstvo, 1979. – 440 p.
9. Voprosy literatury [Questions of Literature]. – 1990, march. – 288 p.
10. Russkaya starina [Russian Old Times]. – 1900. № 9. – P. 449–688.

11. Rejtlat A. I. Kak Pushkin vyshel v geniji : Istoriko-socjologicheskije ocherki o knizhnoj kul'ture Pushkinskoj epokhi [As Pushkin Went Out In Genii : Historical and Sociological Essays about the Book Culture of the Pushkin Epoch] / A. I. Abram. – Moscow : Novoje literaturnoje obozrenije, 2001. – 330 p.
12. Jean-Paul Prigotovitelnaja shkola estetiki [Preparatory School of Aesthetics] / Jean-Paul. – Moscow : Iskusstvo, 1981. – 448 p.
13. Altshuller M. G. Epokha Waltera Scotta v Rossiji : Istoricheskij roman 1830 godov [Epoch Of Walter Scott in Russia: The Historical Novel of 1830th] / M. G. Altshuller. – Sankt-Peterburg : Humanitarian agency "Academician project", 1996. – 336 p.
14. Bulgarin F. V. Sochinenija [Compositions] / F. V. Bulgarin. – T. I. – Sankt-Peterburg : Tipografija A. F. Smirdina, 1827. – 212 p.
15. Severnyje Tsvety na 1830 god [North Flowers on 1830]. – Sankt-Peterburg : Tipografija Departamenta narodnogo prosveshchenija, 1829. – 131 p.
16. Yegorov I. V. Chitateľ v tvorcheskom soznaniiji avtora "Yevgenija Onegina" [Reader in Creative Consciousness of Author "Evgeny Onegin"] / I. V. Yegorov, A. I. Feduta // Boldinskije chtenija [Boldings Readings]. – Gor'kij : Volgo-Vyatskoje knizhnoje izdatel'stvo, 1986. – P. 94–106.
17. Pushkin A. S. Polnoje sobranije sochinenij v 16 t. T. 11 : Kritika i publitsistika [Complete Works. In 16 V. V. 11 : Criticism and Publicism] / A. S. Pushkin. – Moscow—Leningrad : Izdatel'stvo Akademiji nauk SSSR, 1949. – 600 p.
18. Lemke M. K. Ocherki po istoriji russkoj tsensury i zhurnalistiki XIX stoletija [Essays on History of Russian Censorship and Journalism of XIX of Century] / M. K. Lemke. – Sankt-Peterburg : Izdatel' S. V. Bunin, 1904. – 616 p.
19. Meshcheryakov V. P. Aleksandr Sergejevich Gribojedov : Literaturnoje okruženije i vosprijatije (XIX – nachalo XX v.) [A. S. Gribojedov : Literary Surroundings and Perception (XIX – XX Centuries)] / V. P. Meshcheryakov. – Leningrad : Nauka, 1983. – 268 p.
20. Russkaya Taliya na 1825 god [Russian Weist for 1825]. – Sankt-Peterburg : Tipografija N. I. Grecha, 1825. – 434 p.

Федута О. Й. Читач у свідомості Ф. В. Булгаріна.

У статті розкриваються основи авторської стратегії Ф. В. Булгаріна, причини його літературного успіху в залежності від його уявлення про адресат своєї творчості. Аналізується авторське кредо письменника, яке полягає у трактуванні любові до батьківщини як "бажання її блага". Під благом автор розумів прагнення митця викоринювати зловживання, забобони й погані звички та спрямовувати свій художній талант на поширення в суспільстві доброї моральності і просвіти. Доводиться, що етична авторська програма Ф. Булгаріна пояснювала здебільшого його жанрові і стилеві вподобання й літературну поведінку в цілому. Ф. Булгарін був першим російським письменником, який розглядав читачку аудиторію диференційовано, розділяючи її на соціальні страти. Кожній страті мали бути адресовані тексти певної естетичної та етичної спрямованості. Фактично літератор перетворюється на слугу сучасної йому публіки, виконуючи її бажання. Це приносить швидкий успіх, але в історичній перспективі зрікає на забуття.

Ключові слова: Фадей Булгарін, Олександр Пушкін, "Північна Бджола", російська література, роман, читач, автор, "Іван Вижигін", декабристи, журналістика.

Feduta A. I. The Reader in the Minds of F. V. Bulgarin.

The article deals with the fundamental concepts of the author's strategy of F. V. Bulgarin. The paper concentrates on the main reasons for his literary success depending on his beliefs about the addressee of his work. Much attention is given to F. V. Bulgarin. He was the first Russian writer, who investigated the readership discriminatingly, dividing it into social strata. The author highlights that each strata must be addressed to the works of a certain aesthetic and ethical orientation. In fact, the writer becomes the servant of his audience, fulfilling her wishes. The author comes to the conclusion that it brings quick success, but in the historical perspective foredooms to oblivion.

Key words: Thaddeus Bulgarin, Pushkin, "Severnaya Pchela", Russian literature, the novel, the reader, the author, "Ivan Vyzhigin", the Decembrists, journalism.